

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.58.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.004)

Оригинальная статья / Original paper

А.П. Шевырев¹, С.С. Юдин²

¹Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация,

²Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: ¹london7579@yandex.ru, ²stasstas08@mail.ru

Военные и морские реформы при Александре III

Аннотация

В статье рассматривается состояние и развитие российской армии и флота в царствование императора Александра III (1881–1894 гг.) как важный этап в эволюции вооруженных сил Российской империи конца XIX в. В основе военной и военно-морской политики периода 1881–1894 гг. лежало, с одной стороны, продолжение и развитие реформ предыдущего этапа, с другой стороны, корректировка ряда мер и адаптация к изменяющимся внешне- и внутриполитическим условиям. На основе анализа системы военного управления, технического перевооружения, материального обеспечения, а также кадровой политики авторы выявляют противоречие между модернизационными тенденциями в армии и во флоте и общим консервативным курсом верховной власти. Несмотря на отдельные успехи, касающиеся развертывания строительства флота, увеличения численного состава и боевой готовности армии, уже к 1894 г. становятся заметны негативные процессы, которые впоследствии обострятся при Николае II. К середине 1890-х гг. стратегические вопросы обороны начали вступать в противоречие с общей политической линией последних Романовых, ориентированной на сохранение социальной стабильности. Эти противоречия проявились в сфере материального обеспечения (во-

оружие, крепостное строительство, развитие железнодорожной сети, кораблестроение) и особенно ярко в решении «офицерского вопроса» — проблем социального состава, престижа карьерного роста и профессиональной подготовки командного корпуса. Авторы приходят к выводу, что именно в период правления Александра III были заложены предпосылки тех кризисных явлений, которые определяют состояние русской армии и флота, приведут к военным и политическим поражениям в начале XX в.

Ключевые слова:

Александр III; Российская империя; армия; флот; военные реформы; модернизация; офицерский корпус

Для цитирования:

Шевырев А.П., Юдин С.С. Военные и морские реформы при Александре III // Исторический вестник. 2026. Т. 58. С. 102–139. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.004)

Alexander P. Shevyrev¹, Stanislav S. Yudin²

¹*Faculty of History, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation,*

²*Unaffiliated Researcher, Moscow, Russian Federation
E-mail: ¹london7579@yandex.ru; ²stasstas08@mail.ru*

Military and Naval Reforms under Alexander III

Abstract

The article examines the condition and development of the Russian army and navy during the reign of Emperor Alexander III (1881–1894) as an important stage in the evolution of the armed forces of the Russian

Empire in the late nineteenth century. The military and navy policy of this period was based, on the one hand, on the continuation and further development of the reforms of the previous reign, and on the other, on the revision of certain measures and their adaptation to changing external and internal political conditions. Through an analysis of the system of military administration, technical rearmament, material support, and personnel policy, the authors identify a contradiction between the modernization trends within the army and navy and the overall conservative course of the supreme power. Despite certain achievements — such as progress in naval construction, an increase in the size and combat readiness of the army — by 1894 negative tendencies had already become apparent, which would later intensify under Nicholas II. By the mid-1890s, strategic issues of national defense had begun to conflict with the general political line of the late Romanovs, aimed at preserving social stability. These contradictions were evident in the areas of material supply (armaments, fortress construction, the development of the railway network, shipbuilding), and most vividly in addressing the “officer question”, which concerned the social composition, prestige, career development and professional training of the officer corps. The authors conclude that it was during the reign of Alexander III that the foundations were laid for the crisis phenomena that would determine the condition of the Russian army and navy and lead to the military and political defeats of the early twentieth century.

Keywords:

Alexander III; Russian Empire; Army; Navy; Military Reforms; Naval reforms; Modernization; Officer Corps

For citation:

Alexander P. Shevyrev, Stanislav S. Yudin. Military and Naval Reforms under Alexander III // The Historical Reporter. 2026. Vol. 58. P. 102–139. DOI: [10.35549/HR.2026.2026.58.004](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.58.004)

Застой?

В 1881 г. оценка состояния русской армии и флота определялась неоднозначными итогами Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и растущей угрозой со стороны Германии. Но к моменту смерти в 1894 г. Александра III ее престиж снова стоял достаточно высоко. Войска обладали многими новейшими техническими средствами, а Черноморский флот был восстановлен. Однако всего через 10 лет последует жестокий удар в виде поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг., а затем армейские части и морские экипажи будут вовлечены в революцию 1905–1907 гг. Эти бурные события заставят смотреть на предшествующие мирные десятилетия как на период застоя, медленного увядания военной и военно-морской мощи Российской империи.

Среди историков существует консенсус¹ о застойных тенденциях в военной и военно-морской сферах, но слабо изучена их динамика. Действительно ли мы можем рассматривать историю русской армии и флота после 1881 г. как равномерное движение к поражениям в Маньчжурии и Цусимском проливе? Или же была резкая грань, за которой негативные тенденции усилились? Не составляет ли смена царствования в 1894 г. такой грани?

Другой важный и слабо изученный вопрос заключается в природе этого упадка. Часть историков вслед за А.А. Керсновским² склонна выводить корень негативных тенденций в военных реформах Д.А. Милютина, в их незавершенном характере или даже в ими порожденной «бюрократизации» армии. Другие придают повышенное значение личностям, включая Александра III, Николая II, их окружение и наиболее видных представителей генералитета³. Для их логики важно, что в 1881 г. начались навязанные сверху «контрреформы», в атмосфере которых царствовала серость и некомпетентность. Поэтому вопрос о разрыве или преемственности в войсках и во флоте

¹ Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия Российской империи. 1861–1914. М., 2016. С. 129.

² Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 14.

³ Бескровный А.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 100; Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М., 1973. С. 3; Биографии наиболее видных деятелей: Кочуков С.А. П.С. Ванновский — военный министр России (1881–1898 гг.). Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Саратов, 2003; Айрапетов О.Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017; Юдин С.С. Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Стратег. Учитель. Полководец. М., 2022.

Дмитрий Алексеевич Милютин.
Из открытых источников

по отношению к царствованию Александра II представляется особенно важным.

В военно-морской историографии сомнений в плодотворности реформ, проведенных генерал-адмиралом великим князем Константином Николаевичем в первое десятилетие его управления морским ведомством, не возникает⁴. Но исследователи отмечают, что с середины 1860-х гг. великий князь отстранился от непосредственного командования морским ведомством и передал бразды правления своему послушному заместителю Н.К. Краббе. После этого курс морской политики стал слишком произвольным и недостаточно продуманным. Чрезмерное упрощение административной структуры Морского министерства по итогам реорганизации 1867 г. и увлечение строительством круглых судов — «поповок» имели своим следствием низкую боеспособность Черноморского флота⁵.

Как в военной, так и морской историографии специалисты уделяют большое внимание объективным обстоятельствам, в которых развивались вооруженные силы Российской империи. Переход к массовым, многомиллионным армиям, сложная стратегическая обстановка на

⁴ Воронин В.Е. Государственная деятельность великого князя Константина Николаевича до начала 60-х гг. XIX в.: Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1996; Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990.

⁵ Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006. С. 11–18, 315.

Великий князь Константин Николаевич.
 Из открытых источников

западных границах, а также в Балтийском и Черном морях и на Тихом океане, стремительное развитие технических средств, крупные социально-экономические перемены, недостаток бюджетных средств — все это несомненно усложняло задачу личностям, призванным к управлению армией и флотом. Однако соотношение объективных и субъективных факторов остается предметом дискуссий.

Немало вопросов вызывают пути возможного выхода, которыми не воспользовалось руководство армии. Опираясь на пример германской армии и мнения некоторых авторитетных современников, целый ряд историков⁶ высказывали сожаление о том, что в Российской империи так и не состоялось выделение Генерального штаба в самостоятельный орган планирования. Такой шаг кажется логичным с точки зрения масштаба возникших стратегических задач, но его политические последствия трудно предсказать⁷. Вполне понятно, что консервативные монархи, вроде Александра III, предпочитали держать армию под контролем послушных бюрократов, вроде П.С. Ванновского.

Относительно реформирования флота при Александре III у историков в целом существует единодушие. То, что в тупик морское ведомство

⁶ Steinberg J.W. All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Washington D.C., 2010. P. 6; Меннинг Б.У. Указ. соч. С. 143–145; Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 294.

⁷ Rich D. A. The Tsar's Colonels: Professionalism, Strategy, and Subversion in Late Imperial Russia. Cambridge MA, London, 1998. P. 6.

Александр III.
Из открытых источников

зашло еще в конце предыдущего царствования, стало очевидным в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда оказалось, что Черноморского флота по сути дела и нет, несмотря на то что с момента отмены ограничительных статей Парижского мирного договора до начала войны прошло шесть лет. Поэтому главные достижения этого периода — возрождение Черноморского флота и строительство мореходных броненосцев на Балтике — трудно было ставить под сомнение⁸. Столь же единодушны историки и в оценке неблагоприятных последствий введения во флоте морского ценза⁹. Однако история флота по-прежнему большей частью сводится к истории морских кампаний и сражений, истории отдельных кораблей и их плаваний. Если говорить о более общих вопросах флотской истории в период царствования Александра III, то наиболее разработанной можно считать проблему морской политики, которой

⁸ Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 316; Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия российского флота, XIX — начало XX века. М.; СПб., 2004. С. 478–481; Грибовский В.Ю. Флот в эпоху Александра III: Корабли открытого моря // Морской сборник. 1995. № 9. С. 83–88.

⁹ Никитин В.О. Закон и реальность. «Положение о морском цензе для офицеров флота 1885 года» // Россия XXI. 2011. № 6. С. 58–75; он же. Морской ценз в Российском флоте // Военно-исторический журнал. 2016. № 1. С. 10–15; Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 315.

посвящена фундаментальная монография Р.В. Кондратенко, а также диссертации В.А. Болтрукевича, А.Д. Федечкина¹⁰. В этих исследованиях прослеживается связь перемен в морской стратегии с теми внешнеполитическими вызовами, с которыми сталкивалась Россия в период правления царя-мироотворца. Остаются малоисследованными вопросы, связанные с реформами морской администрации, морского образования, с экономическими аспектами кораблестроения и иной хозяйственной деятельностью Морского министерства и портовых учреждений.

Военное и Морское министерства: люди и администрация

В 1881 г. на престол взошел император Александр III. Для русской армии и флота перемена царствования, прежде всего, ставила вопрос о продолжении курса, начатого военными реформами 1850–1870-х гг. Внешнеполитическая обстановка во многом оставалась прежней, продиктованной итогами Франко-прусской войны 1870–1871 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В записке начала 1881 г. Д.А. Милютин высказывал мрачный прогноз: «Все происходящее в Европе свидетельствует, что мы переживаем лишь перемирие и, быть может, очень непродолжительное»¹¹. Несмотря на то, что Александр III войдет в историю как Миротворец, армия и флот должны были готовиться к войне.

Гибель Александра II и последовавший затем Манифест 29 апреля 1881 г., декларирующий незыблемость самодержавия, сделали невозможным пребывание Д.А. Милютина на посту военного министра. 22 мая (3 июня) 1881 г. управляющим Военным министерством стал генерал П.С. Ванновский, бывший начальник штаба Рущукского отряда. 1(13) января 1882 г. последовало его утверждение военным министром. Начальником Главного штаба при нем стал генерал Н.Н. Обручев, близкий сотрудник Милютина. Ванновский и Обручев составили тандем, стоявший во главе военного ведомства до 1898 г. Консервативный военный министр и руководитель Главного штаба, имевший репутацию

¹⁰ Кондратенко Р.В. Указ. соч.; Болтрукевич В.А. Развитие Императорского Российского флота во второй половине XIX века в восприятии военно-морских кругов: Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 2014; Федечкин А.Д. Создание и совершенствование конструкции броненосных крейсеров Российского флота во второй половине XIX века (1869–1901): Проблемы и решения: Дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 2019.

¹¹ Цит. по: Величко К.И. Русские крепости в связи с операциями полевых армий в Мировую войну. Л., 1926. С. 20–21.

Петр Семенович Ванновский.
Из открытых источников

«либерала», отражали противоречивый характер политики по отношению к армии, в которой сочетались преемственность с эпохой Великих реформ и новые охранительные тенденции.

Как только выяснилась отставка Д.А. Милютина, активизировалась оппозиция военным реформам. После смерти князя А.И. Барятинского в 1879 г. ее неформальным лидером стал князь И.И. Воронцов-Дашков, близко стоявший к новому императору¹². Р.А. Фадеев, как и прежде, играл роль идейного вдохновителя и мотора¹³. Вместе они ставили цель провести масштабные преобразования в центральной военной администрации по образцу устройства, существовавшего после 1812 г. с сильным и независимым начальником Главного штаба, представителем строевого командования, и слабым военным министром, который бы отвечал лишь за хозяйственные вопросы. Дополнительным аргументом в пользу такой «контрреформы» было некоторое внешнее сходство с устройством управления германской армией, которая после 1871 г. задавала тон в военном мире. Однако главным намерением Воронцова-Дашкова и Фадеева было устранить пагубное, с их точки зрения, влияние «военной бюрократии». Тем не менее учрежденная по их инициативе Особая

¹² Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М., 2005. С. 221.

¹³ Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 137.

Николай Николаевич Обручев.
 Из открытых источников

комиссия для обсуждения Высочайше преподанных вопросов обустройства военного управления под председательством графа П.Е. Коцебу не одобрила коренную ломку милютинских порядков. По всей видимости, противодействие Ванновского и Обручева, опасение больших расходов и отсутствие внятного проекта нового устройства сыграли решающую роль в провале этой военной «контрреформы»¹⁴.

В июле 1881 г. в письме Милютину Обручев выражал уверенность в устойчивости прежней системы: «Палаццо же будет все стоять и все будут знать, как его звать»¹⁵. Так и вышло: структура управления русской армией осталась прежней. Руководство осуществлялось Ванновским и Обручевым, большое влияние сохраняли авторитетные «герои» 1877 г. И.В. Гурко и М.И. Драгомиров, а также великие князья Владимир Александрович, Николай Николаевич Старший и Михаил Николаевич.

В морском ведомстве кадровые перемены носили более драматический характер. Помимо того что генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич был наиболее активным сторонником продолжения реформаторского курса Александра II, он вызывал личную неприязнь у Александра III. Поэтому в мае 1881 г. генерал-адмирал вынужден был уехать из

¹⁴ Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 102; Юдин С.С. Генерал М.И. Драгомиров и проекты реформирования военной администрации в 1881 г. // Российская история. 2016. № 6. С. 55.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 169. К. 71. Д. 61. Л. 5 об.

Петербурга в свое крымское имение Ореанда, а вслед за этим император в ультимативной форме потребовал, чтобы Константин Николаевич сам написал прошение об отставке со всех своих должностей, что после некоторых пререканий и было сделано. Великий князь, правда, рассчитывал, что он формально продержится в своей должности до августа, когда исполнялось 50 лет его службы в звании генерал-адмирала, но 13 июля 1881 г. своим указом Александр III уволил Константина Николаевича и назначил главой флота генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича.

Задачей нового начальника было круто свернуть морское ведомство с того пути, которым оно следовало при прежнем главе флота. Зная, очевидно, о слабости характера Алексея Александровича, император в январе 1882 г. назначил ему в помощь управляющим Морским министерством И.А. Шестакова, человека жесткого, желчного и к тому же обиженного в предыдущее царствование, правда, не самим Константином Николаевичем, а управляющим Морским министерством Н.К. Краббе. Подозревая, что «в морском деле замышляются радикальные перемены и что ради их выбор и пал на Шестакова», опальный великий князь тем не менее «не мог допустить, чтобы Шестаков мог сделаться изменником ни передо мною, ни перед своим прошлым»¹⁶. Но еще в июне 1881 г., т.е. до начала кадровых перемен, при первой своей аудиенции у Александра III Шестаков двусмысленно заявил, что «ломать не должно, но нужно непременно ликвидировать все, чтобы Алексей [Александрович. — А.Ш., С.Ю.] вступил в должность без оков и затруднений»¹⁷.

Став управляющим министерством, Шестаков повел политику, которая строилась на преодолении ошибок предыдущего руководства. Но формально основные задачи, которые ставил перед ведомством Константин Николаевич в начале своего начальствования над флотом, оставались неизменными и при его преемнике. Эти задачи воспроизводились в отчете Алексея Александровича за период царствования Александра III и заключались они: «1) в возможно большем развитии плаваний военных судов в дальних морях и океанах для создания истинных моряков и для поддержания международного значения России; 2) в независимости нашего отечества от иностранных верфей и заводов в деле сооружения военных судов и 3) в сокращении и упрощении береговой администрации до крайних пределов возможности

¹⁶ Великий князь Константин Николаевич — А.В. Головнину. 23 января/4 февраля 1882 г. // ГА РФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1119. Л. 36–36 об.

¹⁷ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Т. 1. Воспоминания (1838–1881 гг.). СПб., 2013. С. 842.

Генерал-адмирал Великий князь Алексей Александрович.
Из открытых источников

при сознании, что не флот существует для администрации, а последняя для флота»¹⁸.

Шестаков управлял Морским министерством до своей смерти в 1888 г., после чего должность управляющего до 1896 г. исполнял Н.М. Чихачев.

В отличие от военного ведомства Морское министерство подвергло свою административную структуру заметной перестройке. К моменту вступления Шестакова в должность управление морским ведомством действовало по Положению 1867 г., согласно которому вся хозяйственная деятельность была сосредоточена в портовых управлениях, а центральная администрация не имела органов ни хозяйственного управления, ни стратегического планирования. Действительно, береговая администрация была сокращена и упрощена «до крайних пределов возможности».

Почти сразу после вступления в должность, в апреле 1882 г., Шестаков инициировал работу комиссии для пересмотра действовавших узаконений об организации управления морским ведомством, но за-

¹⁸ Обзор деятельности Морского ведомства за царствование императора Александра III. 1881–1894. СПб., 1901. С. 6.

Павел Евстафьевич Коцебу.
Из открытых источников

кончить свою работу комиссия смогла лишь в 1884 г., и 3 июня 1885 г. Александр III утвердил Положение об управлении морским ведомством¹⁹. По этому Положению в составе Морского министерства появлялись пять новых органов: Главный морской штаб, Главное управление кораблестроения и снабжений, Морской ученый комитет, Морской строительный комитет и Главное военно-морское судное управление. Дела инспекторского департамента передавались в Главный морской штаб, статус гидрографического департамента повышался до главного управления, а управление генерал-штаб-доктора переименовывалось в управление главного медицинского инспектора флота.

В компетенцию Главного морского штаба (ГМШ) входило все, «касающееся охранению дисциплины во флоте и боевой его готовности»²⁰. Он был разделен на два отдела, один из которых занимался учетом личного состава, а другой имел разнообразные функции: «отвечал за обучение личного состава, контролировал хозяйственную деятельность команд, собирал сведения об иностранных военных и коммерческих флотах, торговых коммуникациях, разрабатывал программу плаваний собственных кораблей и следил за ее исполнением, вел списки судов и «делопроизводство по приготовлению их к военным действиям»». По справедливому мнению

¹⁹ ПСЗРИ. Собрание 3-е. 1885. 3 июня. № 3025.

²⁰ Там же. Ст. 29.

Иван Алексеевич Шестаков. Худ. Александр Першаков.
Из открытых источников

Р.В. Кондратенко, при «относительной слабости российских сил» и неизменности в силу этого прежней стратегии использования флота «настоятельной необходимости в преобразовании стратегической части ГМШ в особый генеральный штаб Морское министерство не испытывало»²¹.

Стратегия: крепости и железные дороги

Военные реформы 1850–1870-х гг. обеспечивали русской армии прочную структуру управления во главе с Военным министерством и надежный механизм комплектования. Введенная в 1874 г. всеобщая воинская повинность позволяла содержать под ружьем в мирное время 844 тыс. (1881 г.), 940 тыс. (1894 г.) и даже более 1 млн (1904 г.) чел. При этом накапливался значительный запас (вырос с 1 до 2,24 млн в 1881–1890 гг.), который позволял в военное время сформировать действительно массовую армию. Мобилизационное расписание 1903 г. определяло общий состав войск в военное время в 3 млн чел.²² Русская армия окончательно

²¹ Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 137–138.

²² Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования государя императора Александра Александровича: 1881–1890. СПб., 1892. С. 2; Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 123; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 42–43; Меннинг Б.У. Указ. соч. С. 160.

переставала быть профессиональным войском с длительными сроками службы. А.Ф. Редигер подводил итог этим тенденциям: «Армия ныне обратилась в школу, через которую проводится возможно большая часть мужского населения, в кадр тех громадных сил (вооруженного народа), кои выставляются в случае войны»²³.

Однако армии других великих держав были не менее многочисленны и рационально организованы²⁴. В случае большой европейской войны нельзя было рассчитывать на принципиальное численное преимущество. Соответственно, на первый план выходили качественные показатели: быстрота мобилизации и концентрации, решения командования, качество войск и их вооружение и т. п. Ванновскому и Обручеву предстояло сосредоточить свои усилия на улучшении именно этих показателей. Два обстоятельства представляли серьезные препятствия на этом пути.

Во-первых, русская армия снова находилась в ситуации жесткой экономии. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. привела к значительному дефициту бюджета, и финансовые последствия балканского конфликта удалось преодолеть только к концу 1880-х гг. Расходы Военного министерства сократились с 253,6 млн руб. в 1881 г. до 204,9 млн руб. в 1882 г. Существенный рост этих расходов произошел только на рубеже 1880–1890-х гг.: 213,4 (1888 г.), 227,7 (1889 г.), 243 (1890 г.), 254,7 (1891 г.) млн руб. В конце царствования Александра III военные расходы достигли 284,4 млн руб. (1894 г.)²⁵. В 1880-е гг. ситуация не оставляла выбора: приходилось рассрочивать необходимые расходы на несколько лет и откладывать некоторые затратные проекты.

Во-вторых, в случае войны с Германией и Австро-Венгрией на западных границах Российской империи складывалась крайне неблагоприятная обстановка. Две соседние державы значительно опережали по темпу мобилизации и сосредоточения силы Александра III. По прогнозам конца XIX в., Германия заканчивала бы сосредоточение и развертывание своих армий на русском фронте на 12-й день, Австро-Венгрия — на 15-й, тогда как развертывание всех русских войск продолжалось около 32 дней²⁶. Конфигурация границ позволяла вой-

²³ Редигер А. Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1900. С. 176.

²⁴ Численность войск основных европейских держав в мирное (военное) время в 1892 г.: Германия — 521 тыс. (2,37 млн), Австро-Венгрия — 317 тыс. (1,16 млн), Франция — 552 тыс. (2,6 млн), Италия — 249 тыс. (1,16 млн), Великобритания — 382 тыс. (900 тыс.) чел. (Бескровный А.Г. Указ. соч. С. 43).

²⁵ Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 81.

²⁶ Зайончковский А.М. Подготовка России к мировой войне. М., 1926. С. 41.

Николай Матвеевич Чихачев. 1895–1900 гг.
Из открытых источников

скам Тройственного союза охватить русские силы в «польском выступе» (территории Российской империи, глубоко вдававшейся на запад). Русское командование было бы поставлено перед альтернативой: либо очищать Царство Польское, либо принимать бой в неблагоприятных обстоятельствах с высокой вероятностью быть отрезанными.

Чтобы компенсировать эту стратегическую уязвимость, необходимо было проводить целый комплекс мероприятий, включавших строительство пограничных крепостей, передислоцирование войск из глубины территории к границам, проведение дополнительных железнодорожных линий и общее повышение мобилизационной готовности. Но нехватка средств ограничивала возможности Ванновского и Обручева.

Военное руководство должно было активизировать строительство современных крепостей, чтобы не допустить быстрого разгрома войск в «польском выступе». К 1881 г. на западной границе находилось лишь несколько устаревших крепостей: Динабург, Новогеоргиевск, Варшавская цитадель, Ивангород, Брест-Литовск, Киев и Бендеры, а во второй линии — Бобруйск.

В начале 1881 г. тогдашний военный министр Д.А. Милютин признал существующее положение дел с укреплениями на западной грани-

це неудовлетворительным. Были намечены первоначальные работы по модернизации укреплений Новогорьковского, Варшавы и Ивангорода, а также строительству крепостей Осовец, Дубно и Ковно. Общие расходы должны были составить 32 млн руб.²⁷ К началу 1890-х гг. этот план был в основных чертах выполнен. Варшава была превращена в одну из самых обширных в мире крепостей с 14 фортами и наружной линией около 47 верст. Однако другие проекты трудно признать удачными. Форт-застава Дубно был плохо расположен, плохо построен и стал предметом коррупционного скандала²⁸. В 1886–1887 гг. успешные испытания крупнокалиберных фугасных снарядов вновь сделали укрепления на западной границе устаревшими. Мощный рывок в деле атаки крепостей требовал таких же мощных усилий со стороны обороны, но это означало новые расходы, целесообразность которых была под вопросом. В 1890-е гг. Военное министерство будет постепенно сворачивать фортификационную программу.

Альтернативой широкому крепостному строительству было развитие сети железных дорог. Меры в этом направлении могли радикально увеличить скорость мобилизации и концентрации, что позволило бы «отыграть» преимущество Германии и Австро-Венгрии. Еще в 1873 г. было намечено 11 железнодорожных линий, строго необходимых для обороны западной границы. Однако к 1888 г. было приступлено к строительству трех из них. В том же году Главный штаб получил отказ на решительное требование постройки 959 верст новых путей и переделки 602 верст в двухколейную линию. В 1881–1888 гг. предполагалось строительство 2655 верст дорог с твердым покрытием, но было закончено только 40 верст (1,5%)²⁹. За 1880-е гг. России удалось увеличить протяженность своих железных дорог на 33%, Германии — на 25%, Австро-Венгрии — на 44%³⁰. К 1900 г. Российская империя обгоняла Австро-Венгрию по обеспеченности железных дорог паром-

²⁷ Величко К.И. Указ. соч. С. 18–20.

²⁸ Service Historique de la Défense (SHD GR) 7 N 1472. Nomination du général Zabotkine à la tête de la Direction du Génie (10 novembre 1890); SHD GR 7 N 1472. Au sujet du fort de Doubno (1 juin 1891); Очерк деятельности Военного министерства... С. 181.

²⁹ Fuller W. Strategy and Power in Russia. 1600–1914. New York; Toronto, 1992. P. 339.

³⁰ В 1880–1890 гг. протяженность железных дорог увеличилась в России с 22,9 до 30,6 тыс. км; в Германии с 33,3 до 41,8 тыс. км; в Австро-Венгрии с 18,4 до 26,5 тыс. км (Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 231; Энциклопедический словарь: В 86 т. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XIa. СПб., 1894. С. 783).

возами, вагонами и персоналом, но проигрывала по тем же показателям Германии³¹.

Еще одним средством ускорения мобилизации было размещение войск ближе к западной границе и повышение их боевой готовности. Численность войск в Варшавском, Киевском и Виленском округах в мирное время возросла с 227 тыс. (1883) до 610 тыс. чел. (1893). Последняя цифра составляла около 45% всей армии мирного времени. Но смена дислокации также означала новые расходы на строительство казарм, складов и т.д.³² Низкая обеспеченность казармами была вековым слабым местом русской армии, которое сказывалось, прежде всего, на качестве обучения частей, разбросанных на большом пространстве. В 1883 г. началось строительство казарм хозяйственным способом (силами самих войск). Доля частей, живших в казармах, росла медленно: с 57,1% (1885) до 61,5% (1894)³³.

Начало строительства Транссибирской магистрали в 1891 г. привело к замедлению железнодорожного строительства, связанного с обороной западной границы. Как и в случае с крепостями, значительные траты не привели к радикальному улучшению стратегической ситуации в гипотетическом конфликте с Центральными державами.

Стратегия: Черноморский флот и мореходные броненосцы

Стратегия морского ведомства в начале 1880-х гг. определялась теми новыми внешнеполитическими обстоятельствами, которые сложились к этому времени. «Зачаточное состояние»³⁴ Черноморского флота имело следствием то, что Россия не смогла в полной степени воспользоваться плодами своих побед на суше в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Образование Германской империи создало новую ситуацию на Балтике. И если в 1860-е гг. задача создания флота, превосходящего совокупные силы всех балтийских государств, была вполне выполни-

³¹ Соловьева А.М. Указ. соч. С. 303.

³² Fuller W. Op. cit. P. 342.

³³ Русское военное обозрение. Положение о постройке казарм распоряжением войскового начальства хозяйственным способом // Военный сборник. 1887. № 5. С. 27; Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1894 год. СПб., 1896. С. 7.

³⁴ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М.; Л.: Госвоениздат, 1926. С. 24.

мой, то быстро развивающийся флот Германской империи становился уже довольно опасным соперником. Другой задачей Балтийского флота в 1860–1870-е гг. было успешное противостояние заведомо превосходящим в силе британскому и французскому флотам за счет сочетания броненосцев береговой обороны и кораблей, предназначенных для крейсерских операций на коммуникациях противника. Однако «сочетание береговой обороны и океанского крейсерства, казавшееся уместным при столкновении с Англией или Францией, не обещало успеха в борьбе против объединившейся Германии или Турции»³⁵. Наконец, укрепление военной и морской силы Китая и Японии требовало соответствующего усиления флота на Дальнем Востоке в случае обострения там политической ситуации.

В августе 1881 г. состоялось совещание с участием военного министра П.С. Ванновского, министра иностранных дел Н.К. Гирса и управляющего Морским министерством И.А. Шестакова под председательством великого князя Алексея Александровича. На нем было решено, что первоочередной задачей Морского министерства будет строительство боеспособного Черноморского флота, который мог бы обеспечить «безусловное господство на водах Черного моря», а в случае вмешательства других держав в войну с Турцией «овладеть устьем Босфора, укрепиться на обоих берегах и, став прочно у входа в Черное море, оградить его берега и воды от всякого посягательства». Не отказываясь от идеи оборонительного флота на Балтике, совещание признавало, что «оборона берегов Балтийского моря должна быть активная, не допускающая блокады и готовая воспользоваться всяким удобным случаем для перехода в наступление». Наконец, для решения дальневосточной проблемы предполагалось, что «в случае отдельных столкновений с Китаем или Японией [...] предстоит откомандирование в воды Тихого океана эскадры из состава Балтийского и Черноморского флотов». Признавалось также необходимым «располагать в водах Тихого океана достаточным количеством крейсеров, которые могли бы в случае столкновения с европейскими державами серьезно угрожать их торговле»³⁶. Крейсера, отмечает исследователь В.А. Болтрукевич, «по-прежнему рассматривались правящими кругами как единственное сильное средство для нанесения урона интересам по-

³⁵ Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 14–15.

³⁶ Цит. по: Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 76.

Михаил Иванович Драгомиров. Худ. И.Е. Ретин.
 Из открытых источников

тенциальных противников русского государства»³⁷, т.е. за пределами Балтийского и Черного морей.

В 1882 г. Александр III утвердил судостроительную программу на 20 лет, которая предусматривала пополнение Балтийского флота 16 броненосцами и 11 крейсерами, а Черноморского флота — 8 броненосцами, а также сооружение 41 судна меньшего ранга для всех флотов³⁸. Впоследствии эта программа неоднократно корректировалась. Решению поставленных задач способствовал рост морского бюджета в 1880-е гг. опережающими темпами в сравнении с бюджетом Военного министерства. Он увеличился с 30,7 млн руб. в 1882 г. до 40,9 млн руб. в 1888 г.³⁹, т.е. на 33%, в то время как военный бюджет за эти годы вырос всего на 4%. Однако к концу министерства И.А. Шестакова в 1888 г. было построено (вступили в строй или спущены на воду): на Балтике только один броненосец и четыре крейсера (два фрегата и два корвета), а на Черном море — три броненосца и шесть канонерских лодок⁴⁰.

³⁷ Болтрукевич В.А. Эволюция типа русского корабля крейсерского класса на протяжении второй половины XIX в. в восприятии военно-морских кругов // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2018. № 2 (10). С. 21.

³⁸ Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902 гг.). СПб., 1902. С. 217–218.

³⁹ Там же. С. 243–244.

⁴⁰ Моисеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М.: Воениздат, 1948. С. 52–53, 66–67, 278–279, 320–323.

И если на Черном море русские броненосцы превосходили по количеству и качеству турецкие, то на Балтике превосходство броненосных сил Германии только увеличивалось.

С середины 1880-х гг. в судостроительные программы стали включать миноносцы. Идеи французской «молодой школы» были популярны в России, поскольку отвечали тем же задачам, которые ставил перед своим флотом назначенный в 1886 г. морским министром Франции Теофиль Об. Как Франция не в силах была конкурировать с огромным броненосным флотом Великобритании, так и Россия была неспособна угнаться за темпами германского броненосного судостроения, поэтому развитием многочисленного «малого флота» надеялись компенсировать недостаток больших броненосцев. В России эта идея базировалась еще и на успешном опыте использования минного оружия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.⁴¹ С 1886 г. Морское министерство приступило к массовым заказам за границей и строительству миноносцев в России, и к концу царствования Александра III флот пополнился 49 миноносцами⁴². Однако, по мнению историков, «несмотря на все ожидания, порожденные первым успешным его применением, к концу XIX в. миноносец не смог полностью оправдать все возложенные на него надежды. Одновременно с совершенствованием нового класса кораблей шел процесс развития средств противодействия ему — как активных, так и пассивных»⁴³.

Люди: унтер-офицеры, офицеры и кавалерия

Как уже говорилось, боевые качества солдат и офицеров понимались как важнейший фактор в условиях столкновения массовых армий. Однако повышать эти качества становилось все сложнее. Во-первых, для накопления резерва устанавливались короткие сроки службы. Срок службы был поднят с 4 до 5 лет в 1881 г., но затем — вновь сокращен до 4 лет в 1888 г.⁴⁴ Во-вторых, в войска поступал стабильно низкий процент грамотных новобранцев — около 22%. В-третьих, в условиях продолжи-

⁴¹ Болтрукевич В.А. Указ. соч. С. 112–113.

⁴² Обзор деятельности Морского ведомства за царствование императора Александра III... С. 87.

⁴³ Болтрукевич В.А. Указ. соч. С. 122. См. также: Кондратенко Р.В. Указ. соч. С. 297–298.

⁴⁴ Очерк деятельности Военного министерства... С. 4.

тельного мира в Европе и завершения боевых столкновений в Средней Азии в деле подготовки войск приходилось полагаться исключительно на мирные средства — общие сборы, подвижные сборы и большие маневры. Последние проходили в 1886–1892 гг. под Белостоком, Елисаветградом, на Волыни и вблизи крепости Ивангород. Из них особенно пышными были Волынские маневры 1890 г., длившиеся 9 дней и задействовавшие 120 тыс. чел.⁴⁵

Очевидным слабым местом русской армии в 1880-е гг. оставались унтер-офицеры. Предполагалось иметь 33 тыс. сверхсрочнослужащих унтер-офицеров, но в действительности их число колебалось в районе 5 тыс. чел. В 1888 г. было введено пособие, которое позволило резко увеличить число сверхсрочнослужащих с 4988 чел. в 1888 г. до 7800 чел. в 1891 г.⁴⁶ Однако деньги давали ограниченный эффект, потому что сверхсрочная служба не могла конкурировать в борьбе за людские ресурсы с сельским хозяйством или предприятиями в городе⁴⁷. Предполагалось упростить доступ унтер-офицеров к офицерскому званию, но резко против этой меры выступил Ванновский⁴⁸. К концу 1890-х гг. в армии числилось около 13 тыс. сверхсрочнослужащих, но это была не слишком большая доля от потребности. П.А. Зайончковский заключал, что комплектование армии унтер-офицерами было «наиболее сложной и по существу так и оставшейся нерешенной задачей»⁴⁹.

Похожие проблемы существовали в офицерском корпусе. В результате сокращений армии мирного времени число офицеров упало с 34 917 в 1880 г. до 30 655 в 1885 г., а затем вернулось к уровню 36 568 чел. в 1895 г.⁵⁰ При этом эпоха массовых армий требовала одновременно увеличения офицерского корпуса и повышения их профессионального уровня. Военное ведомство с трудом справлялось с этими задачами. В 1882 г. были восстановлены кадетские корпуса. Целью этой «контрреформы» было придать образованию детей военный характер, укрепить кастовость офицерского корпуса и поддержать в нем дворянский, верноподданнический дух. Специальные меры были приняты для облегче-

⁴⁵ Там же. С. 83–88.

⁴⁶ Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 122.

⁴⁷ Шишло К. К унтер-офицерскому вопросу // Военный сборник. 1884. № 10. С. 235.

⁴⁸ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 161.

⁴⁹ Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 120.

⁵⁰ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 97.

ния поступления в кадетские корпуса детей дворян и офицеров⁵¹. После кадетского корпуса юноша поступал в военное училище, где проходил специальную подготовку перед производством в офицеры. Параллельно существовал менее престижный, но более быстрый путь к эполетам через юнкерские училища. К 1889 г. число выпускников из военных и юнкерских училищ практически сравнялось⁵². Одновременно предпринимались усилия, чтобы подтянуть уровень образования юнкеров, и А.И. Деникин (бывший юнкер) полагал, что в этом направлении были достигнуты значительные успехи⁵³.

Любопытно, что в царствование Александра III, отличавшееся консервативными тенденциями, радикальным реформам подверглась кавалерия, род войск, отличавшийся кастовостью и особой приверженностью к традициям⁵⁴. Преобразования в коннице были вызваны множеством причин, среди которых дороговизна, низкая эффективность в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и очевидная уязвимость перед современными средствами огневого боя. По инициативе полковника Н.Н. Сухотина в 1882 г. гусарские и уланские полки были преобразованы в драгунские. Получившаяся экономия позволила увеличить число эскадронов с 224 до 328. В том же году была учреждена Офицерская кавалерийская школа. В обучении усилился акцент на действия в пешем строю, разведке и проведении рейдов в тыл неприятеля. Отказ от традиционной роли кавалерии как средства для таранного удара на поле боя, упразднение привычной формы и наименований полков и особенно передислокация конницы в приграничные районы с плохими условиями стоянок привели к оттоку обеспеченных офицеров и недовольству оставшихся. В 1890 г. французский военный атташе отмечал слабую подготовку кавалерии, особенно гвардейской, и наметившуюся реакцию против реформ⁵⁵. Смерть генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича Старшего в 1891 г. усилила дискуссии о будущем этого рода войск. Планировавшиеся рейды вглубь территории Восточной Прус-

⁵¹ Очерк деятельности Военного министерства... С. 206–207.

⁵² Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 98–99.

⁵³ Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 233.

⁵⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 3. С. 18–21; Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 294; Шаниро Б.Л. Русификация и модернизация конницы в царствование Александра III // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2019. № 4 (32) Т. 2. С. 70–86.

⁵⁵ SHD. GR 7 N 1472. Au sujet des Manoeuvres de Krasnoe-Selo et de Narva (9 septembre 1890).

Великий князь Николай Николаевич Старший. Худ. Н. Шильдер.
 Из открытых источников

сии и Галиции для срыва мобилизации и концентрации германских и австро-венгерских войск уже не выглядели перспективными⁵⁶. Начался закат «рейдоманства».

Моряки «настоящие» и «карьеристы»

В юбилейном отчете Морского министерства за 1855–1880 гг. утверждалось, что численность офицеров морского ведомства к 1 мая 1879 г. составляла 2962 человека при потребности флота в 3021 офицере⁵⁷. В отчете же за царствование Александра III говорилось, что в 1880 г. на действительной службе состояло 3209 офицеров, что превышало потребность флота на 182 человека⁵⁸. Необходимость избавиться от лишних офицеров, в особенности от тех, кто длительное время оставался на береговых должностях, стала причиной введения во флоте в 1885 г. морского ценза.

⁵⁶ SHD. GR 7 N 1472. Au sujet de l'emploi de la Cavalerie au début des opérations (8 janvier 1892).

⁵⁷ Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880. Ч. 1. СПб., 1880. С. 12–13.

⁵⁸ Обзор деятельности Морского ведомства за царствование императора Александра III... С. 11–12.

Евфимий Васильевич Путятин.
Из открытых источников

Впервые идея регулировать численность и карьерное движение офицерского состава во флоте путем установления требования обязательного выхода в море на продолжении всей службы была высказана комиссией под председательством адмирала Е.В. Путятина в 1871 г.⁵⁹ Тогда же вице-адмирал Г.И. Бутаков, а в конце 1870-х гг. контр-адмирал Н.М. Чихачев представили свои записки о введении морского ценза. Эти проекты и создаваемые комиссии, по справедливому утверждению В.О. Никитина, «свидетельствуют о поиске путей изменения порядка службы офицеров»⁶⁰ еще в предшествующую эпоху.

С вступлением И.А. Шестакова в должность управляющего министерством вопрос о морском цензе был сразу включен в повестку грядущих преобразований, и 25 февраля 1885 г. Положение о морском цензе для офицеров флота было высочайше утверждено⁶¹. Закон устанавливал определенное количество месяцев нахождения в плавании для производства в очередной чин, а также предельный возраст пребывания в каждом чине. По достижении такого возраста офицер подлежал увольнению из состава флота.

Действие морского ценза очень скоро вызвало критическое к себе отношение со стороны морских офицеров, и в конечном счете его будут

⁵⁹ Никитин В.О. Морской ценз в Российском флоте... С. 10.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ПСЗРИ. Собрание 3-е. 1885. 25 февраля. № 2769.

Григорий Иванович Бутаков.
 Из открытых источников

считать «одной из важнейших причин разгрома при Цусиме»⁶². Само по себе стремление поддерживать боеспособность каждого офицера флота регулярными плаваниями было вполне обосновано, но на практике реализация этой идеи вылилась в бюрократическую калькуляцию дней, проведенных на том или ином судне в том или ином походном статусе и с тем или иным коэффициентом сложности. Очень образно и в то же время точно подытожил значение этой реформы В.О. Никитин: «Закон о морском цензе был нацелен на то, чтобы во флоте появилось как можно больше “настоящих” моряков, но вместо того способствовал значительному увеличению “карьеристов” среди офицеров, что не преминуло сказаться на боевой готовности флота»⁶³.

Другой реформой положения офицерского состава стало упразднение специальных корпусов флотских штурманов и морской артиллерии. До появления паровых кораблей и даже до того, как пар полностью вытеснил парус в качестве движителя корабля, обязанности вахтенного офицера по управлению кораблем были довольно сложными, поэтому совмещать строевую службу с обязанностями артиллериста и штурмана считалось невозможным. Эти обязанности возлагались на офицеров соответствующих корпусов. Офицеры этих корпусов находились в положении париев морской службы: у них были сухопутные военные чины

⁶² Никитин В.О. Закон и реальность... С. 60.

⁶³ Там же. С. 72.

и пополнялись они не только дворянами, но и разночинцами. 12 июня 1885 г. были утверждены Правила об упразднении корпусов флотских штурманов и морской артиллерии, согласно которым прекращался прием в штурманское и артиллерийское отделения Технического училища морского ведомства, а штурманские и артиллерийские должности во флоте постепенно замещались флотскими офицерами⁶⁴.

Годом позже были реорганизованы корпуса корабельных инженеров и инженеров-механиков⁶⁵. Сухопутные чины в этих корпусах упразднялись и заменялись пятью званиями в каждом из корпусов: от младшего помощника судостроителя до инспектора кораблестроения и от младшего инженера-механика до инспектора механической части. При этом было установлено соответствие этих званий морским чинам при назначении пенсий и при переходе на службу в гражданское ведомство. Оба корпуса продолжали пополняться из кораблестроительного и механического отделений Технического училища. Таким образом, перемены в технической оснащенности флота привели к слиянию штурманских и артиллерийских специальностей со строевыми и к еще большему обособлению инженерных служб.

В 1891 г. последовала контрреформа в области морского образования подобно более раннему преобразованию в сухопутном ведомстве: Морское училище было переименовано обратно в Морской кадетский корпус, а в 1894 г. так же, как и в армии, доступ в него был открыт только потомственным дворянам и детям морских офицеров.

Навстречу XX веку

Определенным итогом первого этапа развития русской армии в царствование Александра III можно считать принятое в 1890 г. новое Положение о полевом управлении войск в военное время⁶⁶. Новый порядок управления имел несколько особенностей. Во-первых, он впервые предусматривал формирование на одном театре военных действий нескольких армий, подчиняющихся одному главнокомандующему. Во-вторых, штабы армий формировались на основе штабов военных округов, что ускоряло этот процесс и упрощало слаживание их работы.

⁶⁴ ПСЗРИ. Собрание 3-е. 1885. 12 июня. № 3056.

⁶⁵ ПСЗРИ. Собрание 3-е. 1886. 15 мая. № 3701.

⁶⁶ ПСЗРИ. Собрание 3-е. 1890. 26 февраля. № 6609.

В-третьих, Положение 1890 г. исправляло существенный недостаток Положения 1868 г., дополненного в 1876 г., тяжело сказавшийся в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: нечетко прописанную систему снабжения войск. П.А. Зайончковский признавал этот документ шагом вперед, несмотря на то что его пришлось исправлять в 1903 г. в связи с увеличением числа армий на западной границе до семи, тогда как приграничных округов было только четыре⁶⁷.

Некоторые мероприятия 1880-х гг. продолжали линию, намеченную военными реформами Д.А. Милютина, иногда даже в радикальном варианте (реформы в кавалерии). Другим больше подходит определение «контрреформ» (воссоздание кадетских корпусов). Но в целом меры военного ведомства пытались скорректировать прежний курс в связи с новыми обстоятельствами: угрожающей стратегической обстановкой, недостатком средств, переходом к массовым армиям, уроками Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и т.д.

В 1890–1894 гг. произошли серьезные изменения в общей обстановке, в которой развивались армия и флот Российской империи. Обострение отношений с Германией и, как следствие, заключение франко-русского союза совпали с экономическим ростом. Оживилось общественное мнение, в том числе антимилиитаристские настроения. Наконец, начавшийся в середине 1880-х гг. новый виток развития военных технологий заставлял военное руководство реагировать на связанные с этим вызовы.

Во флоте перемены на рубеже 1880–1890-х гг. были связаны также и со сменой управляющего Морским министерством. После смерти И.А. Шестакова в 1888 г. министерство возглавил Н.М. Чихачев. Новый министр «выступил противником распыления сил активного флота для операций во внешних морях и на Тихом океане, последовательно отстаивая приоритет Балтийского морского театра»⁶⁸. В 1890 г. началось строительство незамерзающего порта в Либаве, который через восемь лет принял первые корабли. С 1891 г. морской бюджет стал заметно расти и к концу царствования Александра III увеличился с 40,7 млн руб. в 1890 г. до 51,2 млн руб. в 1894 г. В дальнейшем затраты на флот будут расти еще более высокими темпами и в 1902 г. достигнут 98,3 млн руб.⁶⁹

Всего за время правления Александра III на Балтике вступили в строй четыре броненосца и еще семь строились, семь крейсеров I-го ранга (два

⁶⁷ Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 108.

⁶⁸ Грибовский В.Ю. Указ. соч. С. 87.

⁶⁹ Огородников С.Ф. Указ. соч. С. 243–244, 259.

строились), пять минных крейсеров, 33 миноносца (один в постройке), одна миноноска, семь канонерских лодок (одна строилась). На Черном море в строй вступили четыре броненосца (еще три строились), один крейсер, два минных крейсера (один в постройке), 15 миноносцев, шесть канонерских лодок. Еще два миноносца были изготовлены в Петербурге и собраны во Владивостоке⁷⁰. Можно согласиться с В.Ю. Грибовским, что «к середине 90-х гг. XIX века российский флот по боевой мощи занимал прочное третье место в мире, уступая лишь флотам Англии и Франции»⁷¹, однако на Балтике превосходство германского флота было очевидным.

В армии усиленная работа по планированию, совершенствованию процесса мобилизации и теоретическому освоению новых средств борьбы укрепила положение Генерального штаба, численность которого выросла с 661 чел. в 1882 г. до 1232 чел. в 1904 г.⁷² В его составе находились авторитеты с международной репутацией: Н.Н. Обручев, М.И. Драгомиров, Г.А. Леер, А.К. Пузыревский и А.Н. Куропаткин. Однако в организационном плане Генеральный штаб оставался одним из подразделений Военного министерства наравне с артиллерийским, инженерным, медицинским и другими управлениями. В 1894 г. Обручев указал на ненормальность этой ситуации и предложил проект преобразования Главного штаба, предполагавший расширение штатов и прав начальника, включая самостоятельный доклад у императора. Однако Ванновский отказался рассматривать реформу, которая могла бы вывести орган стратегического планирования из-под его подчинения⁷³.

К 1881 г. русская армия имела на вооружении винтовку Бердана, хотя окончательное перевооружение завершилось только к 1884 г. К этому времени уже были ясны дальнейшие направления совершенствования стрелкового оружия: уменьшение калибра и переход на магазинную подачу патронов. Основные европейские державы ввели у себя сначала магазинные винтовки, а затем винтовки с уменьшенным калибром. Российская империя не могла также дважды издерживать крупные суммы. Фактически военное руководство шло на риск, оставляя на несколько лет армию с устаревшим вооружением, чтобы затем сразу принять систему, обладавшую обоими преимуществами. Так, в 1891 г. была принята на вооружение винтовка С.И. Мосина. Переход на новый образец

⁷⁰ Моисеев С.П. Указ. соч. С. 52–55, 66–71, 74–77, 94–107, 180–181, 204–205, 208–211, 278–281, 284–289, 298–305, 320–323, 370–373.

⁷¹ Грибовский В.Ю. Указ. соч. С. 87.

⁷² Там же. С. 177–178.

⁷³ Кочуков С.А. Указ. соч. С. 72–73.

потребовал дополнительных расходов в 70 млн руб. Перевооружение происходило в две очереди, которые завершились в 1897 и 1903 гг.⁷⁴

К концу 1881 г. в целом был завершен переход на стальные орудия в полевой артиллерии, после чего новое вооружение получили также резервная (1884–1885), горная (1885–1886) и запасная артиллерия (1887–1890). В 1889–1894 гг. было сформировано пять мортирных полков, вооруженных 6-дюймовыми мортирами А.П. Энгельгардта, позволявшими вести навесной огонь с лафета. Важным организационным преобразованием была передача корпусной артиллерии из ведения начальников артиллерии округа непосредственно корпусным командирам. Эта мера резко сокращала организационную автономию этого рода войск и способствовала более тесной связи между ним и пехотой. Численность артиллерии в период 1881–1899 гг. выросла на 40%, однако оснащенность этим видом вооружений все равно была недостаточной. Так, в 1893 г. на каждый батальон приходилось у французов — 4,2 орудия, у немцев — 3, у австрийцев — 2,85 и у русских — 2,5⁷⁵.

В русской армии велись испытания воздушных шаров, пулеметов, телефонов и других средств. Однако новинки редко встречали достаточно доверия и готовности к тратам. Например, после испытаний 1891–1892 гг. 250 пулеметов было заказано для оснащения крепостей, но не полевых войск⁷⁶. В целом русская армия с трудом и запаздыванием, но поддерживала высокие темпы гонки вооружений конца XIX в. Помимо очевидных финансовых проблем, сказывалось то, что военное руководство по-прежнему видело гипотетическую большую европейскую войну как маневренный и непродолжительный конфликт, в котором техническая оснащенность войск будет играть второстепенную роль.

Вероятно, наиболее острая проблема русской армии в 1890-е гг. была связана не с медленной мобилизацией или технической отсталостью, а с социальными проблемами внутри войск и растущим разрывом между армией и обществом. Дж. Бушнелл представлял мир русского офицера рубежа XIX–XX вв. как замкнутый круг, в котором женщины, пьянство и азартные игры подталкивали к воровству, воровство покрывалось из-за понятий о кастовой чести, кастовость усиливала изоляцию

⁷⁴ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 312–319; Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 156–157; Кочуков С.А. Указ. соч. С. 181; Меннинг Б.У. Указ. соч. С. 153–154.

⁷⁵ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 356; Зайончковский П.А. Самодержавие... С. 159–162; Меннинг Б.У. Указ. соч. С. 155–156.

⁷⁶ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 321.

офицерского корпуса, а последняя провоцировала пьянство⁷⁷. Естественно, далеко не все офицеры были увлекаемы этим потоком. Исследователи отмечают неровный, разношерстный состав русского офицерства в этот период⁷⁸. Однако выйти за узкий круг незавидной гарнизонной жизни на более широкую дорогу действительно было нелегко.

Из-за привилегий гвардии и невозможности частых переводов офицеров чинопроизводство в разных частях сильно отличалось⁷⁹. Но общая картина была неперспективной для тех, кто не обладал нужными связями. Происходило старение офицерского корпуса. Почти треть командиров рот была старше 46 лет⁸⁰. Их путь к новым чинам блокировался малым числом подполковничьих вакансий и значительным числом престарелых генералов. Ванновский строго выполнял волю Александра III: чинопроизводство шло по выслуге лет, а стариков не обижали отставкой⁸¹. В результате амбициозные офицеры покидали службу, а на их место приходили инертные или даже порочные начальники. Такой отбор не способствовал престижу офицеров среди нижних чинов и общества. Кроме того, размывалось социальное единство офицерской корпорации, в которой к 1895 г. потомственные дворяне составляли около 50%⁸².

Возрождение кадетских корпусов немало способствовало замкнутости офицерского корпуса. В 1894 г. в этом направлении был сделан новый шаг, когда, вопреки уголовному праву и мировым тенденциям, были легализованы дуэли в армии. Этим актом военное ведомство рассчитывало укрепить корпоративный дух офицеров, однако в действительности добилось только роста числа поединков и большего отчуждения между войском и обществом⁸³.

Уже к 1894 г. в развитии русской армии и флота видны негативные тенденции, которые обостряются в царствование Николая II. В ситуации, когда война становилась «научной и административной пробле-

⁷⁷ *Bushnell J.* The Tsarist Officer Corps, 1881–1914: Customs, Duties, Inefficiency // *American Historical Review*. Vol. 86. No. 4 (October 1981). P. 753–780.

⁷⁸ *Зайончковский П.А.* Русский офицерский корпус на рубеже столетий (1881–1903) // *Военно-исторический журнал*. 1971. № 8. С. 41; *Меннинг Б.У.* Указ. соч. С. 152.

⁷⁹ *Зацук И.* Ваканционное производство 1893 года в армейской пехоте // *Разведчик*. 1893. № 160. С. 869–870.

⁸⁰ *Зайончковский П.А.* Самодержавие... С. 189.

⁸¹ *Кочуков С.А.* Указ. соч. С. 46.

⁸² *Зайончковский П.А.* Самодержавие... С. 204–205.

⁸³ *Robinson P.* Courts of Honour in the Late Imperial Russian Army // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 84. No. 4. 2006. P. 711–713.

мой»⁸⁴, на первый план выдвигались организационные и технические факторы. Российская империя традиционно не была сильна в этих компонентах и делала слишком мало для того, чтобы это исправить. Она могла обеспечивать себя материальными средствами (вооружение, крепости, железные дороги) с некоторым отставанием от ведущих держав. Однако положение становилось пугающим там, где военные вопросы соприкасались с политическими и социально-экономическими. Необходимость серьезных перемен в офицерском корпусе была очевидной, но они блокировались со стороны верховной власти. Шаги, направленные на консервацию военной касты (восстановление кадетских корпусов, легализация дуэлей), вряд ли можно признать удачными.

К середине 1890-х гг. становилось очевидным, что стратегические вопросы обороны входили в противоречие с консервативным курсом последних Романовых.

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы / References

1. Айрапетов О.Р. *Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи.* М.: Русская книга, 2017. 495 с. Airapetov O.R. *Adjutant General Nikolai Nikolaevich Obruchev (1830–1904): A portrait against the background of an epoch.* Moscow: Russkaya kniga, 2017. 495 p. (in Russ.).

⁸⁴ Интеллектуальная и моральная реформа во Франции // Ренан Э. Собрание сочинений Эрнеста Ренана. В 12 т. Т. IV. Киев, 1902. С. 130.

2. Бескровный Л.Г. *Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России*. М.: Наука, 1973. 616 с.
Beskrovny L.G. *The Russian Army and Navy in the 19th century: The military-economic potential of Russia*. Moscow: Nauka, 1973. 616 p. (in Russ.).
3. Болтрукевич В.А. *Развитие Императорского Российского флота во второй половине XIX века в восприятии военно-морских кругов*: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. 255 с.
Boltrushevich V.A. *The development of the Imperial Russian Navy in the second half of the 19th century in the perception of naval circles*. PhD diss. (Hist.). Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2014. 255 p. (in Russ.).
4. Болтрукевич В.А. Эволюция типа русского корабля крейсерского класса на протяжении второй половины XIX в. в восприятии военно-морских кругов. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. 2018;10(2):11–39.
Boltrushevich V.A. Evolution of the Russian cruiser-type ship in the second half of the 19th century as perceived by naval circles. *Vestnik of Dmitry Pozharsky University*. 2018;10(2):11–39 (in Russ.).
5. Величко К.И. *Русские крепости в связи с операциями полевых армий в Мировую войну*. Л.: Военно-инженерная академия РККА, 1926. 144 с.
Velichko K.I. *Russian fortresses in connection with field army operations in the World War*. Leningrad: Military Engineering Academy of the Red Army, 1926. 144 p. (in Russ.).
6. Воронин В.Е. *Государственная деятельность великого князя Константина Николаевича до начала 60-х гг. XIX в.*: дис. ... канд. ист. наук. М.: Институт российской истории РАН, 1996. 241 с.
Voronin V.E. *The state activity of Grand Duke Konstantin Nikolaevich before the early 1860s*. PhD diss. (Hist.). Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 1996. 241 p. (in Russ.).
7. *Всеподданнейший отчет Военного министерства за 1894 год*. СПб.: Военная типография, 1896.
The most submissive report of the War Ministry for 1894. St. Petersburg: Military Printing house, 1896 (in Russ.).
8. Грибовский В.Ю. Флот в эпоху Александра III: Корабли открытого моря. *Морской сборник*. 1995;(9):83–88.
Gribovsky V.Yu. The navy in the era of Alexander III: Seagoing ships. *Naval Digest*. 1995;(9):83–88 (in Russ.).

9. Деникин А.И. *Старая армия. Офицеры*. М.: Айрис-пресс, 2005. 512 с. (Серия «Белая Россия»).
- Denikin A.I. *The old army: Officers*. Moscow: Ayris-press, 2005. 512 p. (Series: White Russia) (in Russ.).
10. Зайончковский А.М. *Подготовка России к мировой войне*. М.: Гос. изд-во, 1926.
- Zayonchkovsky A.M. *Russia's preparation for the World War*. Moscow: State Publishing house, 1926 (in Russ.).
11. Зайончковский П.А. Русский офицерский корпус на рубеже столетий (1881–1903). *Военно-исторический журнал*. 1971;(8):39–47.
- Zayonchkovsky P.A. The Russian officer corps at the turn of the century (1881–1903). *Military Historical Journal*. 1971;(8):39–47 (in Russ.).
12. Зайончковский П.А. *Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903*. М.: Мысль, 1973. 351 с.
- Zayonchkovsky P.A. *Autocracy and the Russian Army at the turn of the 19th–20th centuries. 1881–1903*. Moscow: Mysl', 1973. 351 p. (in Russ.).
13. Зашук И. Ваканционное производство 1893 года в армейской пехоте. *Разведчик*. 1893;(160):869–870.
- Zashchuk I. The vacancy promotions of 1893 in the army infantry. *Scout*. 1893;(160):869–870 (in Russ.).
14. Золотарёв В.А., Козлов И.А. *Три столетия российского флота, XIX – начало XX века*. М.; СПб.: АСТ; Полигон, 2004. 685 с.
- Zolotarev V.A., Kozlov I.A. *Three centuries of the Russian Navy: 19th – early 20th century*. Moscow; St. Petersburg: AST; Polygon, 2004. 685 p. (in Russ.).
15. Исмаил-Заде Д.И. *Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский*. М.: Центрполиграф, 2005.
- Ismail-Zade D.I. *Count I.I. Vorontsov-Dashkov: Viceroy of the Caucasus*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005 (in Russ.).
16. Керсновский А.А. *История русской армии*. Т. 3. М.: Голос, 1994. 352 с.
- Kersnovsky A.A. *History of the Russian Army*. Vol. 3. Moscow: Golos, 1994. 352 p. (in Russ.).
17. Кондратенко Р.В. *Морская политика России 80-х годов XIX века*. СПб.: ЛеКо, 2006. 344 с.
- Kondratenko R.V. *Russia's naval policy in the 1880s*. St. Petersburg: LeKo, 2006. 344 p. (in Russ.).
18. Кочуков С.А. П.С. Ванновский – военный министр России (1881–1898 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2003. 221 с.

- Kochukov S.A. *P.S. Vannovsky – Minister of War of Russia (1881–1898)*. PhD diss. (Hist.). Saratov: Saratov State University, 2003. 221 p. (in Russ.).
19. Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 1998. 182 с.
Kuznetsov O.V. R.A. *Fadeev: General and publicist*. Volgograd: Volgograd State University, 1998. 182 p. (in Russ.).
20. Лоссовский Ю. Наш генералитет. *Разведчик*. 1893;(151):700–701.
Lossovsky Yu. Our generals. *Scout*. 1893;(151):700–701 (in Russ.).
21. Меннинг Б.У. Пуля и штык. Армия Российской империи. 1861–1914. М.: Модест Колеров, 2016. 424 с.
Menning B.W. *Bayonets and bullets: The Imperial Russian Army, 1861–1914*. Moscow: Modest Kolero, 2016. 424 p. (in Russ.).
22. Моисеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М.: Воениздат, 1948. 576 с.
Moiseev S.P. *List of ships of the Russian steam and armoured fleet (from 1861 to 1917)*. Moscow: Voenizdat, 1948. 576 p. (in Russ.).
23. Никитин В.О. Закон и реальность. «Положение о морском цензе для офицеров флота 1885 года». *Россия XXI*. 2011;(6):58–75.
Nikitin V.O. Law and reality: The «Regulation on naval seniority for fleet officers of 1885». *Russia XXI*. 2011;(6):58–75 (in Russ.).
24. Никитин В.О. Морской ценз в Российском флоте. *Военно-исторический журнал*. 2016;(1):10–15.
Nikitin V.O. Naval seniority in the Russian fleet. *Military Historical Journal*. 2016;(1):10–15 (in Russ.).
25. Обзор деятельности Морского ведомства за царствование императора Александра III. 1881–1894. СПб.: Тип. Морского министерства, 1901.
Survey of the activities of the Naval Department during the reign of Emperor Alexander III. 1881–1894. St. Petersburg: Printing house of the Naval Ministry, 1901 (in Russ.).
26. Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880. Ч. 1. СПб.: Тип. Морского министерства, 1880.
Survey of the activities of the Naval Administration in Russia during the first twenty-five years of the happy reign of Sovereign Emperor Alexander Nikolaevich. 1855–1880. Part 1. St. Petersburg: Printing house of the Naval Ministry, 1880 (in Russ.).

27. Огородников С.Ф. *Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902 гг.)*. СПб.: Тип. Морского министерства, 1902. 279 с.
Ogorodnikov S.F. *Historical survey of the development and activities of the Naval Ministry over the hundred years of its existence (1802–1902)*. St. Petersburg: Printing house of the Naval Ministry, 1902. 279 p. (in Russ.).
28. *Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования государя императора Александра Александровича: 1881–1890*. СПб.: Военная тип., 1892.
Outline of the activities of the War Ministry over the past decade of the happy reign of Sovereign Emperor Alexander Alexandrovich: 1881–1890. St. Petersburg: Military Printing house, 1892 (in Russ.).
29. Петров М.А. *Подготовка России к мировой войне на море*. М.; Л.: Госвоениздат, 1926. 272 с.
Petrov M.A. *Russia's preparation for the World War at Sea*. Moscow; Leningrad: Gosvoenizdat, 1926. 272 p. (in Russ.).
30. Редигер А. *Комплектование и устройство вооруженной силы*. СПб.: Военная тип., 1900.
Rediger A. *Recruitment and organisation of the armed force*. St. Petersburg: Military Printing house, 1900 (in Russ.).
31. Редигер А.Ф. *История моей жизни. Воспоминания военного министра*. Т. 1. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. 576 с.
Rediger A.F. *The story of my life: Memoirs of a Minister of War*. Vol. 1. Moscow: Kanon-press; Kuchkovo pole, 1999. 576 p. (in Russ.).
32. Ренан Э. Интеллектуальная и моральная реформа во Франции, в: *Собрание сочинений Эрнеста Ренана в 12 томах*. Т. IV. Киев: Б.К. Фукс, 1902. С. 65–117.
Renan E. Intellectual and moral reform in France, in: *Collected works of Ernest Renan in 12 vols*. Vol. IV. Kyiv: B.K. Fuks, 1902. P. 65–117 (in Russ.).
33. *Русское военное обозрение. Положение о постройке казарм распоряжением войскового начальства хозяйственным способом. Военный сборник*. 1887;(5):20–70.
Russian military review. Regulations on the construction of barracks by order of the military authorities by economic means. *Military Digest*. 1887;(5):20–70 (in Russ.).
34. Соловьёва А.М. *Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в.* М.: Наука, 1975. 315 с.
Solovyova A.M. *Railway transport in Russia in the second half of the 19th century*. Moscow: Nauka, 1975. 315 p. (in Russ.).

35. Федечкин А.Д. *Создание и совершенствование конструкции броненосных крейсеров Российского флота во второй половине XIX века (1869–1901): Проблемы и решения*: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. 248 с.
Fedechkin A.D. Creation and improvement of the design of armoured cruisers of the Russian Navy in the second half of the 19th century (1869–1901): Problems and solutions. PhD diss. (Hist.). St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2019. 248 p. (in Russ.).
36. Шапиро Б.А. Русификация и модернизация конницы в царствование Александра III. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого*. 2019;2(4(32)):70–86.
Shapiro B.L. Russification and modernisation of the cavalry during the reign of Alexander III. Humanities Bulletin of TSPU named after L.N. Tolstoy. 2019;2(4(32)):70–86 (in Russ.).
37. Шевырев А.П. *Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы*. М.: Изд-во МГУ, 1990. 184 с.
Shevyrev A.P. The Russian Navy after the Crimean War: Liberal bureaucracy and naval reforms. Moscow: Moscow University Press, 1990. 184 p. (in Russ.).
38. Шестаков И.А. *Полвека обыкновенной жизни*. Т. 1. Воспоминания (1838–1881 гг.). СПб.: Судостроение, 2013. 790 с.
Shestakov I.A. Half a century of an ordinary life. Vol. 1. *Memoirs* (1838–1881). St. Petersburg: Sudostroenie, 2013. 790 p. (in Russ.).
39. Шишло К. К унтер-офицерскому вопросу. *Военный сборник*. 1884;(10):233–240.
Shishlo K. On the non-commissioned officer question. Military Digest. 1884;(10):233–240 (in Russ.).
40. *Энциклопедический словарь*: в 86 т. / Сост.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XIа. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1894.
Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary in 86 vols. Vol. XIa. St. Petersburg: Typolithography of I.A. Efron, 1894 (in Russ.).
41. Юдин С.С. Генерал М.И. Драгомиров и проекты реформирования военной администрации в 1881 г. *Российская история*. 2016;(6): 46–55.
Yudin S.S. General M.I. Dragomirov and the projects for reforming military administration in 1881. Russian History. 2016;(6):46–55 (in Russ.).
42. Юдин С.С. *Солдат империи. Генерал М.И. Драгомиров. Стратег. Учитель. Полководец*. М.: Яуза-Каталог, 2022. 317 с.

- Yudin S.S. *Soldier of the Empire: General M.I. Dragomirov. Strategist. Teacher. Commander*. Moscow: Yauza-Katalog, 2022. 317 p. (in Russ.).
43. Bushnell J. The Tsarist officer corps, 1881–1914: Customs, duties, inefficiency. *American Historical Review*. 1981;86(4):753–780.
44. Fuller W. *Strategy and power in Russia, 1600–1914*. New York; Toronto: Free Press, 1992. 576 p.
45. Rich D.A. *The Tsar's colonels: Professionalism, strategy, and subversion in late Imperial Russia*. Cambridge (MA); London: Harvard University Press, 1998. 570 p.
46. Robinson P. Courts of honour in the late Imperial Russian Army. *The Slavonic and East European Review*. 2006;84(4):708–728.
47. Steinberg J.W. *All the Tsar's men: Russia's general staff and the fate of the Empire, 1898–1914*. Washington (D.C.); Baltimore: Woodrow Wilson Center Press; Johns Hopkins University Press, 2010. 408 p.

Александр Павлович Шевырев
Alexander P. Shevyrev

кандидат исторических наук, доцент
исторического факультета Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова,
Scopus Author ID: 6601910435,
SPIN-код: 8707-7996,
ORCID: 0000-0001-5454-2719

C.Sc. (History), Associate Professor,
Faculty of History, Lomonosov
Moscow State University,
Scopus Author ID: 6601910435,
SPIN-код: 8707-7996,
ORCID: 0000-0001-5454-2719

Станислав Сергеевич Юдин
Stanislav S. Yudin

кандидат исторических наук,
независимый исследователь.
Москва, Российская Федерация,
Scopus Author ID: 57193486292,
SPIN-код: 6424-4530,
ORCID: 0009-0002-3140-9637

C.Sc. (History), unaffiliated researcher.
Scopus Author ID: 57193486292,
SPIN-code: 6424-4530,
ORCID: 0009-0002-3140-9637

Поступила в редакцию /
Received
04.11.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
12.01.2026

Принята к публикации /
Accepted
15.02.2026